

Могучая меланхолия

Выставка к 75-летию живописца Дмитрия Жилинского в Академии художеств

Дмитрий СМОЛЕВ,
для «Новых Известий»

Юбилейный показ получился менее масштабным, чем можно было ожидать. Половина экспонатов – лишь намек на ретроспекцию, да и габариты большинства вещей не дают полного представления об авторских достижениях. Расположенное при входе массивное многофигурное панно «Весна Художественного театра», новоиспеченная «Тайная вечеря» – вот, пожалуй, и все из монументального. Третьяковская галерея к выставке подключена минимально, запасники других музеев вообще не тронуты... Скромность украшает титанов.

Жилинский именно что титан, мэтр из мэтров советской живописи. Советской – в смысле эпохи, а не идейной направленности: от художника, у которого были расстреляны дед и отец, можно ждать формальной лояльности, но не пропагандистского рвения. Академик и лауреат, профессор Суриковки и Полиграфического института, в неофициальной классификации он всегда относился к стану не то чтобы «левых», но «приличных» живописцев. Речь даже не о социальном поведении, а о творчестве. Для случайного зрителя понять, чем Жилинский лучше Глазунова или Шилова, не так просто, однако если и существуют у нас истинные продолжатели традиций итальянского и Северного Возрождения, то нынешнего юбиляра можно назвать первым. Боттичелли, Беллини, Кранах, Дюрер для него не образцы, но примеры. Иногда Жилинского несправедливо причисляют к создателям «сурowego стиля». Его собственное мнение отражает объективную реальность: «Я никогда

Семья. У моря. 1964 г.

не был художником «сурового стиля», я только жил одновременно с ними».

Мало того, что маэстро не увлекался буднями таежных строек, он еще всегда настаивал на герметичности своих сюжетов, на отединенности персонажей от окружающей сути и даже друг от друга. Застылый аллегорический мир без воздуха и теней, звучные декоративные цвета и вечно печальные глаза интеллигентов... На выставке в академии достаточно портретов, изображающих родственников и друзей, и это не специальная вы-

Автопортрет. 1989 г.

борка к юбилею, а характерный срез. Кем еще любоваться, по ком вздыхать и на кого надеяться, если не на близких людей? Теперь постоянные модели Жилинского – молодая жена и малолетний сын. В портретах есть радость, однако по-прежнему нет восторга, и даже в выражении лица младенца проглядывает вселенская грусть.

Последние лет сорок художник работает исключительно темперой, из-за чего экспозиция не поблескивает и не отсвечивает, как в случае с масляной живописью. Отчасти поэтому, отчасти по причине автор-

ских задач каждую работу можно и хочется разглядывать подолгу. Иногда раздражаетесь: ну что за вычурная поза, что за избитый символ! Вынуть бы все это из музеиной витрины, растеребить гербарий, придать страсти и глуповатости персонажам... Но такие порывы мимолетны, поскольку ясно: мир Жилинского существует только в тех параметрах, что заданы автором. Стоит нарушить вакуум, как изображение разлетится на молекулы. Руками эти картины лучше не трогать – в прямом и переносном смыслах.